

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Религиозность — иначе говоря, потребность верить в наличие неких «сверхъестественных» сил, не обязательно высших, но способных воздействовать на человеческие мысли и поступки — была на Первом Всемирном конгрессе по психотерапии (Вена, 1996) объявлена «фундаментальной человеческой функцией». Конечно, следует принимать в расчет то обстоятельство, что слово «религиозность» употребляется здесь в очень широком, почти обезличенном смысле: это не приверженность тому или иному институционализированному вероучению, не соблюдение установленных догматов как таковых, а всего-навсего некое общее ощущение «нуминозной», как выражался К. Г. Юнг, сути бытия — словом, такое состояние души, такое мировоззрение, которое антрополог М. Энгельке охарактеризовал как *ambient religiosity* (данное словосочетание можно перевести как «ощущение религиозности в мире» или как «эмбиент-религиозность», по аналогии с одноименным стилем электронной музыки). Тем не менее, религиозность, потребность и желание верить в «потустороннее», действительно признается важной составляющей человеческой природы, а исследованием этой составляющей сегодня занимаются многие науки о человеке — от традиционных теологии и философии до антропологии религии и даже физики.

Разумеется, пройти мимо религиозности не могла — при своих притязаниях на познание человека и его «темных» и «светлых» сторон — и психология. Пионером психологического изучения религиозности выступил, пожалуй, Ф. Ницше, сам себя именовавший «первым психологом» и громогласно

объявивший, будто Бог умер, а все прочее на свете — «человеческое, слишком человеческое». А затем в «сокровенное» пространство человеческой веры и потребности в вере вторгся скандальный психоанализ, детище знаменитого венского психиатра З. Фрейда.

Не будет преувеличением сказать, что никакой другой раздел фрейдовской теории — за исключением, разумеется, учения о сексуальности — не вызывал столько противоречивых оценок и страстной полемики. При этом сам Фрейд, остро интересуясь религией и религиозностью на протяжении всей своей долгой научной и практической карьеры, не дал сколько-нибудь однозначного определения религии: он называл ее то «проецированной во внешний мир психологией», то «сублимированным продуктом сексуальных влечений», то «всеобщим неврозом навязчивых состояний», то «пережитком психического инфантилизма», то «коллективной иллюзией». Однако подобное разнообразие определений ничуть не мешало ему принимать религиозность за данность, которую надлежит учитывать и которая подлежит анализу наряду с прочими особенностями человеческого характера и мировоззрения. Именно этот факт и обеспечил фрейдовским взглядам на религию и религиозность место в истории изучения данного предмета: даже современная антропология религии, при всей своей рациональности и при всем стремлении к иным объяснительным моделям, признает за Фрейдом право считаться одним из основоположников научного осмысления религиозности.

В настоящий том включены работы Фрейда, имеющие отношение к религиозной тематике и охватывающие промежуток с 1907 по 1919 год¹. Это и малые статьи конкретной направленности, и большие исследовательские работы, и предисловия к трудам других ученых, а также важнейшая для самого Фрейда и для истории изучения вопроса работа «Тотем и табу».

К. Ковешников

---

¹ Работы, связанные с религиозной тематикой с 1919 по 1940 год, см. в сборнике «Психология масс». М.: Издательство АСТ, 2023.

НАВЯЗЧИВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ*

(1907)

Безусловно, я не первый, кого поразило сходство между так называемыми навязчивыми действиями, характерными для людей, страдающих нервными расстройствами, и теми обрядами, посредством которых верующие выражают свое благочестие. О том свидетельствует и само определение «церемониальный», применяемое порой к отдельным навязчивым действиям. Как представляется, это сходство ни в коем случае нельзя относить к случайным совпадениям, а потому углубленное изучение происхождения невротических церемоний позволит, смею надеяться, сделать некоторые выводы по аналогии применительно к психологическим процессам религиозной жизни.

Люди, совершающие навязчивые действия или приверженные церемониям, принадлежат к тому же разряду, каковой охватывает всех, кто страдает навязчивыми мыслями, навязчивыми идеями, навязчивыми позывами и тому подобным. В совокупности они составляют особую клиническую группу, которую обычно обозначают как «невроз навязчивых состояний» (*Zwangsnervose*)¹. Но попытки установить сущность болезни по ее названию бессмысленны, поскольку

---

* *Zwangshandlungen und Religionsübungen.*

¹ См. работу Левенфельда «*Die Psychischen Zwangserscheinungen*» («Психические навязчивые состояния», 1904). — *Примеч. авт.* Л. Левенфельд — немецкий врач, автор множества работ по психиатрии и неврологии. — *Примеч. пер.*

ку и все прочие проявления болезненных психических состояний, строго говоря, в равной степени притязают на обладание теми качествами, которые принято характеризовать как «обсессивные». Следует избегать определений и довольствоваться вместо этого скрупулезным изучением указанных состояний, ведь нам до сих пор не удалось отыскать критерий для оценки невротических навязчивых состояний; по всей видимости, он скрыт очень глубоко, пусть мы как будто ощущаем его присутствие в каждом случае болезни.

Невротические церемониалы суть незначительные поправки к тем или иным повседневным действиям, едва заметные их дополнения, ограничения или условности, которые надлежит неизменно соблюдать и выполнять в определенном порядке (или как-то иначе, но тоже изо дня в день). Со стороны эти действия выглядят сугубыми формальностями (*Formalitäten*) и кажутся совершенно бессмысленными. Сам больной воспринимает их точно так же, но он не в силах отказаться от выполнения церемоний, ибо любое отклонение от церемониала пробуждает в нем нестерпимое беспокойство, побуждающее к немедленному исправлению допущенной оплошности. Столь же тривиальны, как церемониальные действия, те поступки, которые посредством церемоний обогащаются, отягощаются и при всем прочем продлеваются — к примеру, одевание и раздевание, отход ко сну или удовлетворение телесных потребностей. Исполнение церемониала можно описать, так сказать, перечислением последовательности неписаных правил. Возьмем в качестве примера отход ко сну: стул должен стоять в определенном месте рядом с кроватью; одежда должна лежать на этом стуле в определенном порядке; одеяло нужно подвернуть в изножье, а простыню разгладить; подушки должны быть расположены так-то и так-то, а собственное тело человека должно занять точно установленное положение. Лишь при соблюдении всех этих условий засыпание становится возможным. Словом, обыкновенно церемониал выступает не более чем преуве-

личением некоего упорядочивания, каковое представляется обыденным и оправданным; впрочем, чрезмерная тщательность, с которой он совершается, и то беспокойство, каковое порождается пренебрежением церемониями, помечает последние как «священнодействие». Любое прерывание церемониала вызывает, как правило, серьезное расстройство, а присутствие других людей при его исполнении почти всегда исключается.

Любые действия способны сделаться навязчивыми действиями в широком смысле этого слова, если они уточняются какими-либо дополнениями или если им придается посредством пауз и повторений ритмический характер. Вовсе не нужно думать, будто возможно провести строгое различие «церемониала» и «навязчивого действия». Чаще всего навязчивые действия проистекают из церемоний. Помимо двух указанных факторов, содержание душевного беспорядка составляют еще запреты и помехи (абулии¹), причем последние фактически продолжают работу навязчивых действий, поскольку оказывается, что то-то и то-то пациенту запрещается целиком и полностью, а что-то допускается только при соблюдении предписанного церемониала.

Примечательно, что принуждения и запреты (то есть необходимость что-то делать и чего-то не делать) распространяются в первую очередь на самостоятельные действия индивидуума и довольно долго не затрагивают его поведение в обществе. Следовательно, люди, страдающие этой болезнью, могут считать свой недуг личным делом и прятать его от окружающих на протяжении многих лет. Вообще-то подобными формами невроза навязчивых состояний страдает куда больше людей, чем известно врачам. Вдобавок немалому числу больных прятать свой недуг тем проще, что они вполне способны выполнять общественные

---

¹ Абулия — в психиатрии состояние патологического отсутствия воли, когда человек не способен принимать необходимые решения. — *Примеч. пер.*

обязанности большую часть суток, а личным тайным делам уделять всего несколько часов, словно воплощая предание о Мелюзине¹.

Легко увидеть, в чем именно заключается сходство между невротическим церемониалом и священнодействиями религиозных обрядов: там и здесь налицо угрызения совести, вызванные пренебрежением правилами, полная оторванность от всех других действий (о чем говорит запрет прерывать исполнение) и та скрупулезность, с какой эти действия тщательно выполняются. Правда, различия столь же очевидны, причем некоторые из них выглядят настолько вопиющими, что само сравнение начинает казаться кощунственным: это и большее личное разнообразие церемониальных действий, в отличие от стереотипности обрядов (молитвенная поза, обращение лицом на восток и т. д.), и частный характер, в противоположность публичному и коллективному характеру религиозных обрядов, но прежде всего тот факт, что составные части религиозного обряда исполнены глубокого символического значения, а невротические поступки представляются глупыми и бессмысленными. В этом отношении невроз навязчивых состояний есть наполовину комическая, наполовину трагическая пародия на личное исповедание веры. С другой стороны, указанное заметное различие между невротическим церемониалом и религиозным обрядом исчезает, когда мы при помощи психоаналитической техники исследования проникаем в истинный смысл навязчивых действий². В ходе такого исследования выясняется, что мнимая бессмысленность навязчивых действий полностью стирается, а причина этой мнимой бессмысленности получает разъяснение. Мы узнаем, что навязчивые действия значимы во всех своих подробностях, что они служат важным устремлениям индивидуума и выражают те чувства, которые продолжают

---

¹ В средневековом легендарии Мелюзина — волшебная дева, меняющая облик на звериный на несколько часов каждый день. — *Примеч. пер.*

² См. мой «Сборник коротких статей по теории неврозов» (1906). — *Примеч. авт.*

на него воздействовать, и те мысли, которые сопряжены с аффектами. Это выражение может обеспечиваться как непосредственно, так и символически, а потому его надлежит истолковывать либо исторически, либо символически.

Нужно привести несколько примеров в доказательство моей точки зрения. Те, кто знаком с результатами психоаналитического исследования психоневрозов, вовсе не удивятся утверждению, что содержание навязчивых действий и церемоний обусловлено наиболее сокровенными, по большей части сексуальными, переживаниями индивидуума.

а) Девушка, которую я наблюдал, после умывания несколько раз подряд споласкивала умывальник. Значение этого обрядового действия вполне передается присказкой: «Не выливай грязную воду, пока не наберешь чистую». Своими действиями она как бы предупреждала сестру, которую сильно любила и которую старалась удержать от развода с мужем (в ком та совершенно разочаровалась) до тех пор, пока она не завяжет отношения с более достойным мужчиной.

б) Женщина, жившая отдельно от своего мужа, всякий раз за едой оставляла несъеденным самое лучшее — например, съедала только корочку от куска жареного мяса. Это поведение объяснялось датой его возникновения: она начала вести себя так уже на следующий день после того, как оказалась от супружеских отношений с мужем, то есть после отказа от лучшего.

в) Та же пациентка могла сидеть всего на одном конкретном стуле и вставала с него с немалым трудом. Применительно к подробностям ее супружеской жизни этот стул символизировал мужа, которому она хранила верность. Сама она объясняла свое поведение следующим образом: «Очень трудно расстаться с тем, к чему успела привыкнуть».

г) Снова и снова у той же пациентки проявлялось особенно заметное и бессмысленное навязчивое действие. Она выбегала из своей комнаты в другую, посреди которой стоял стол. Она расправляла складки скатерти на столе и звала горничную. Той полагалось подойти к столу, после чего ее

отпускали с каким-нибудь мелким поручением. В попытках объяснить это поведение самой себе пациентка пришла к мысли, что на скатерти имелось пятно и что она всегда расправляла скатерть так, чтобы горничная обязательно увидела это пятно. Вся сцена оказалась на самом деле воспроизведением опыта супружеской жизни, к которому пациентка то и дело возвращалась мысленно, сама того не сознавая. В первую брачную ночь ее мужа постигла довольно обычное разочарование: он не сумел проявить себя мужчиной и «ночь напролет бегал из своего гостиничного номера к ней», чтобы вновь попробовать добиться успеха. Утром он сказал, что ему будет совестно перед горничной, которая придет застилать кровати, взял пузырек с красными чернилами и вылил его содержимое на простыню; но сделал он это так неуклюже, что пятно растеклось совсем не там, где требовалось. Если коротко, своим навязчивым поведением пациентка воспроизводила события брачной ночи, а «кровать и стол» («*Tisch und Bett*») между супругами олицетворяли собою их брак.

д) Другое навязчивое действие, с которым пациентка пришла ко мне, заключалось в ее стремлении записывать номер каждой банкноты, прежде чем с той расстаться; это действие тоже нужно истолковывать исторически. Когда она предполагала уйти от мужа, если ей встретится другой, более надежный мужчина, то позволила ухаживать за собой человеку, с которым познакомилась на морских водах; вот только следовало удостовериться, что новый знакомец движим честными намерениями. Однажды, не найдя при себе мелочи, она попросила этого мужчину разменять монету в пять крон. Он выполнил просьбу, положил монету себе в карман и с любезной улыбкой заявил, что впредь не расстанется с этой монетой, ибо та побывала в ее руках. При встречах впоследствии у пациентки часто возникало искушение попросить его предъявить монету, дабы лишний раз подтвердить искренность своих намерений. Но она подавляла это желание — по той простой причине, что невозможно невооруженным взором различить между собой две монеты

одинакового номинала. То есть ее сомнения остались неразрешенными, что и заставило ее позднее записывать номер каждой банкноты, по которому эту купюру можно было отличить от всех других купюр того же номинала.

Ряд приведенных примеров, выбранных из огромного числа тех, с которыми я сталкивался, призван лишь наглядно доказать мое утверждение, что в навязчивых действиях все имеет значение и подлежит истолкованию. То же самое верно для церемоний в самом строгом смысле этого слова, разве что доказательство здесь потребует более обстоятельное. Я вполне осознаю, сколь далеко наши разъяснения навязчивых действий уводят нас, по-видимому, от области религиозной мысли, однако они представляются мне необходимыми.

Одно из проявлений невроза состоит в том, что человек, подчиняющийся принуждению, делает это, не понимая смысла своих действий — во всяком случае, основного их смысла. Только благодаря усилиям психоаналитика он осознает и значение навязчивого действия, и мотивы, побуждающие его к этому действию. Мы отмечаем это важное обстоятельство, указывая, что навязчивое действие служит для выражения бессознательных мотивов и мыслей. Тут, кажется, наблюдается дальнейший отход от религиозного поведения, но мы должны помнить, что обычный благочестивый индивидуум выполняет положенные церемонии, не заботясь, как правило, об их значении, пусть священнослужители и ученые исследователи хорошо осведомлены о преимущественно символическом содержании обрядов. Для большинства же верующих мотивы, побуждающие к религиозному поклонению, или неведомы, или замещаются в сознании какими-то другими.

Анализ навязчивых действий дает некоторое представление об их причинах и о той цепочке мотивов, что вызывает эти действия. Можно сказать, что индивидуум, страдающий от принуждений и запретов, ведет себя так, будто им повелевает чувство вины, о котором сам он даже не подозревает;

так что следует говорить о бессознательном чувстве вины, несмотря на явную противоречивость этого замечания. Источником такого чувства вины выступают некие ранние психические события, и оно постоянно подкрепляется новыми искушениями, возобновляется при каждом новом случае, а также вызывает затаенное беспокойство, этакое ожидание и предвкушение несчастья, обусловленное внутренним восприятием искушения как того, что непременно влечет за собою наказание. Когда церемониал только еще складывается, больной сознает, что должен поступать так-то и так-то, чтобы не случилось беды, причем обыкновенно природа грядущей беды вполне известна его сознанию. Но от него уже скрыта связь (всегда, к слову, доказуемая) между поводом, по которому возникает это беспокойство, и опасностью, которая его вызывает. Тем самым церемониал исходно складывается как защитное действие, как мера предосторожности или предупреждения.

Чувство вины у навязчивых невротиков находит свое отражение в поведении благочестивых верующих, которым ведомо в глубине души, что они суть жалкие грешники; а благочестивые обряды, будь то молитвы, воззвания и пр., которыми такие люди предваряют все свои повседневные поступки, в особенности же всякие необычные начинания, имеют, по-видимому, значение защитных или предохраняющих мер.

Мы придем к более глубокому пониманию механизма невроза навязчивых состояний, если примем во внимание первичный факт, лежащий в его основании, а именно вытеснение инстинктивного влечения (элемента полового влечения), которое присутствует в конституции индивидуума и находит себе временное выражение в его детстве, но позже подвергается подавлению. При вытеснении этого влечения вырабатывается особая сознательность, направленная против него, однако, будучи мимолетным психическим реактивным образованием, она постоянно ощущает угрозу со стороны таящегося в бессознательном влечения.

Влияние вытесненного влечения воспринимается как искушение, а сам процесс вытеснения порождает беспокойство, которое в форме ожидания и предвкушения подчиняет себе будущее. Подавление и вытеснение, приводящие к невроту навязчивых состояний, можно считать успешными лишь частично, поскольку они чреватые неизбежными проблемами. Оно сродни бесконечному конфликту; требуются все новые и новые психические усилия, чтобы уравновесить непосредственное давление влечения. Следовательно, церемониальные и навязчивые действия отчасти представляют собой защиту от искушения, а отчасти — защиту от ожидаемого зла. Судя по всему, меры предосторожности против искушения постепенно становятся недостаточными, и тогда вступают в силу запреты, назначение которых состоит в том, чтобы не допускать событий, порождающих искушения. Запреты явно подменяют собою навязчивые действия, подобно тому, как фобии предотвращают истерические приступы. Опять-таки, церемониал невротика есть совокупность условий, при которых разрешается то, что не является целиком и полностью запрещенным, а церковный обряд бракосочетания означает для верующего одобрение сексуального наслаждения, какое в противном случае было бы греховным. Еще одна характеристика невроза навязчивых состояний, как и всех подобных заболеваний, заключается в том, что его проявления (симптомы, в том числе навязчивые действия) удовлетворяют требованию компромисса между противоборствующими силами психики. То есть они всегда воспроизводят что-то из того удовольствия, которое призваны предотвратить; служат вытесняемому влечению ничуть не меньше, чем те силы, которые его вытесняют. В самом деле, по мере развития болезни действия, первоначально направленные главным образом на поддержание защиты, все более и более приближаются к запретным, посредством которых влечение находило себе выражение в детстве.

Некоторые признаки такого состояния можно выявить и в области религиозной жизни. Становление религии так-